

Разногласия Запада в вопросах стратегии

По мере того как война, которую ведет коалиция, подходит к концу, политические вопросы приобретают все более важное значение. Вашингтону

особенно следовало проявлять большую дальновидность и придерживаться более широких взглядов. Сейчас мы можем представить себе опасный пробел, образовавшийся в промежутке между периодом, когда убывали силы президента Рузвельта и росло понимание президентом Трумэнном обширной мировой проблемы. В этот печальный момент один президент не мог действовать, а другой не мог знать, как действовать. Ни военные начальники, ни государственный департамент не получали необходимого руководства. Политическое руководство отсутствовало как раз в тот период, когда оно было более всего необходимо. Выступая на арене как победитель, как вершитель судеб человечества, Соединенные Штаты не имели ясных и последовательных целей. Англия, хотя она все еще оставалась весьма сильной державой, не могла одна действовать решительно. В этот период я мог лишь предупреждать и взывать.

Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству.

Решающие практические вопросы стратегии и политики, о которых будет идти речь в этом повествовании, сводились к тому, что: во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток; в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин; в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение; в-шестых, Вена, и по существу вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с Советами; в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии; наконец — и это главное — урегулирование между Западом и Востоком по всем основным вопросам, касающимся Европы, должно быть достигнуто до того, как армии демократии уйдут или западные союзники уступят какую-либо часть германской территории, которую они завоевали, или, как об этом вскоре можно будет писать, освободили от тоталитарной тирании.

*Премьер-министр — генералу Исмею
для комитета начальников штабов*

17 марта 1945 года

Я хотел бы, чтобы разведывательное управление изучило возможность того, что Гитлер, потеряв Берлин и Северную Германию, отступит

в горы и лесные районы Южной Германии и попытается продолжать там борьбу. Странное сопротивление, которое он оказал в Будапеште и оказывает сейчас у озера Балатон, и тот факт, что он в течение столь длительного времени держит армии Кессельринга в Италии, по-видимому, подтверждают такого рода намерения. Но Гитлер, конечно, настолько безрассудно упрям во всем, что, быть может, за всем этим ничего и не кроется. Тем не менее следует изучить возможность такого развития событий.

Хотя ничего нельзя было утверждать определенно, общий вывод наших начальников штабов был таков, что вряд ли можно рассчитывать на продолжительную немецкую кампанию или даже партизанскую войну в горах в сколько-нибудь серьезных масштабах. Поэтому мы отклонили такую возможность, что впоследствии оправдалось. В этой связи я спросил о том, как представляет себе штаб-квартира союзников наступление англо-американских армий, и получил следующий ответ:

Генерал Эйзенхауэр — премьер-министру
30 марта 1945 года

Как только американские 9-я и 1-я армии соединятся и противник, окруженный в районе Рура, окажется не в состоянии вести дальнейшие наступательные операции, я предлагаю двинуться на восток на соединение с русскими или до общей линии на Эльбе. Если этому не помешают намерения русских, следует считать, что Кассель, Лейпциг является наилучшей осью для такого наступления, так как она обеспечит захват этого важного промышленного района, куда, как полагают, переводятся германские министерства. В результате немецкие вооруженные силы будут разрезаны примерно пополам, и это не потребует форсирования нами Эльбы. Цель операции — расчленил и уничтожить основную часть остающихся вооруженных сил противника на западе.

Это будет моим главным ударом. Я готов направить все мои вооруженные силы на обеспечение успеха этой операции, пока не станет ясно, что нет надобности концентрировать на этом все наши усилия. Наступление должно проходить в зоне Брэдли, и для выполнения этой задачи он будет иметь в своем распоряжении 3-ю, 1-ю и 9-ю армии с приданной также его командованию 15-й армией, которая будет наступать вслед за ними, если это окажется возможным, и очищать территорию. Монтгомери будет защищать его левый фланг, имея в своем распоряжении английскую и канадскую армии, к северу от основной линии Ганновер — Виттенберг, а Девере, имея в своем распоряжении французские 7-ю и 1-ю армии, будет прикрывать его правый фланг.

Как только будет достигнут успех основного наступления, я намерен предпринять операцию по очистке северных портов; для занятия Килья потребуется форсирование Эльбы. Ответственность за выполнение этих задач будет возложена на Монтгомери, и я предполагаю усилить его группу армий, если в этом возникнет необходимость.

Кроме того, после выполнения указанных выше задач 6-я группа армий будет готова двигаться на юго-восток в направлении оси Нюрнберг, Регенсбург для того, чтобы предотвратить возможное укрепление немецких сил на юге, и для того, чтобы соединиться с русскими в долине Дуная.

Я надеюсь, что эта дополнительная информация даст ясное представление о моих планах. Они, естественно, являются гибкими и могут быть изменены в случае неожиданного изменения обстановки.

Примерно в то же самое время мы узнали, что Эйзенхауэр объявил о своей политике в телеграмме, непосредственно направленной маршалу Сталину 28 марта, не сказав об этом предварительно ни своему заместителю главному маршалу авиации Теддеру, ни объединенному англо-американскому штабу. Все мы считали, что это выходило из ранее предусмотренных рамок переговоров верховного главнокомандующего в Европе с Советами. Но генерал Эйзенхауэр считал, что, переписываясь непосредственно с главой русского государства, он поступает правильно, так как Сталин был одновременно верховным главнокомандующим Красной Армией. Тем не менее он вел переписку не с президентом Соединенных Штатов, который также является главой вооруженных сил, а с генералом Маршаллом.

В упомянутой телеграмме Эйзенхауэр сообщал, что, изолировав Рур, он намерен направить свой основной удар вдоль оси Эрфурт, Лейпциг, Дрезден, в результате чего после соединения с русскими оставшиеся германские вооруженные силы будут разрезаны на две части. Второе наступление через Регенсбург на Линц, где он также рассчитывал встретиться с русскими, предотвратит «усиление германского сопротивления в укрепленном районе Южной Германии». Сталин охотно с этим согласился. Он заявил, что это предложение «полностью совпадает с планом советского верховного командования». «Берлин, — добавил он, — утратил свое прежнее стратегическое значение. Поэтому советское верховное командование намерено выделить второстепенные силы для наступления на Берлин». Это заявление, однако, не было подтверждено дальнейшими событиями.

Английские начальники штабов проявляли беспокойство не только в отношении достоинств нового плана, но и потому, что фактически были обойдены верховные власти, как военные, так и конституционные. Они составили пространную телеграмму своим коллегам в Вашингтоне,

с которой я ознакомился уже после того, как она была отправлена. В ходе межштабных переговоров это случалось весьма часто, В принципе я был полностью согласен с нашими начальниками штабов, и мы мыслили в одном и том же направлении. Тем не менее я считал, что их телеграмма поднимает много мелких, посторонних вопросов и исходит не из того, из чего следовало исходить, чтобы обеспечить себе наилучшие позиции в споре с начальниками штабов Соединенных Штатов. Поэтому я послал им следующую записку:

Премьер-министр — генералу Исмею для комитета начальников штабов

31 марта 1945 года

1. Я обдумал вашу телеграмму, и, конечно, хорошо, что военные вопросы ставятся перед объединенным англо-американским штабом. Надеюсь, однако, что у нас сознают, что мы располагаем лишь четвертью вооруженных сил, участвующих во вторжении в Германию, и что с июня 1944 года обстановка значительно изменилась...

3. Мне кажется, что основная критика нового плана Эйзенхауэра сводится к тому, что он переносит ось главного наступления на Берлин в направлении через Лейпциг на Дрезден, и, таким образом, возникает вопрос, не будет ли 21-я группа армий настолько рассредоточена, что потеряет свою наступательную силу, особенно после того, как она лишена поддержки американской 9-й армии. Таким образом, нас могут обречь на почти неподвижную роль на севере, в результате чего мы будем фактически лишены возможности форсировать Эльбу, пока в операциях не будет достигнута значительно более поздняя стадия. Исключается также перспектива вступления англичан в Берлин вместе с американцами.

4. Правильность такой критики зависит от масштабов сопротивления противника. Если сопротивление будет фактически сломлено, то нет никаких причин, почему американская 9-я армия и 21-я группа армий не могут принять участия в наступлении на более широком фронте. Последнее слово по этому вопросу должно оставаться за верховным главнокомандующим.

5. Возможно также, что генерал Эйзенхауэр ошибается, полагая, что Берлин в значительной мере утратил свое военное и политическое значение. Хотя значительная часть германских правительственных департаментов переведена на юг, не следует упускать из виду, какое решающее влияние на психологию немцев может оказать падение Берлина. Мысль о том, что не следует придавать значения Берлину и что нужно предоставить русским захватить его на более поздней стадии, мне кажется неправильной. До тех пор пока разрушенный Бер-

лин будет сражаться, выдерживая осаду, как это вполне может случиться, у немцев будет оставаться стимул для сопротивления. Падение Берлина может вызвать почти всеобщее отчаяние у немцев.

б. Утверждая, что мы хотели бы свернуть в сторону для того, чтобы закончить дела в Дании, Норвегии и вдоль Балтийского побережья, мы ослабляем наш довод в пользу большей концентрации сил между морем и флангом Ганновер, Берлин...

Премьер-министр — генералу Эйзенхауэру

31 марта 1945 года

1. Лично мне кажется, что если сопротивление противника не будет сломлено, то переключение основной оси наступления столь далеко на юг и вывод американской 9-й армии из состава 21-й группы армий может в такой степени растянуть фронт Монтгомери, что отведенная ему наступательная роль окажется сведенной к нулю. Я не вижу, какую выгоду дает отказ от форсирования Эльбы. Если сопротивление противника ослабнет, как вы, очевидно, ожидаете и что вполне может случиться, почему бы нам не форсировать Эльбу и не продвинуться как можно дальше на Восток? Это имеет важное политическое значение, поскольку русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят Австрию. Если мы преднамеренно оставим им Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убежденность, которая уже очевидна, в том, что все сделали они.

2. Далее, я лично не считаю, что Берлин уже утратил свое военное и тем более политическое значение. Падение Берлина оказало бы глубокое психологическое воздействие на сопротивление немцев во всех частях рейха. До тех пор пока Берлин держится, огромные массы немцев будут считать своим долгом продолжать борьбу до последнего вздоха. Я не разделяю мнения, что захват Дрездена и соединение там с русскими имели бы более важное значение. Те части департаментов германского правительства, которые переброшены на юг, могут быть очень быстро переведены еще дальше на юг. Но пока Берлин остается под германским флагом, он, по моему мнению, не может не являться самым решающим пунктом в Германии.

3. Поэтому я бы в гораздо большей степени предпочел придерживаться того плана, на основе которого мы форсировали Рейн, а именно, чтобы американская 9-я армия вместе с 21-й группой армий продвинулась к Эльбе и дальше до Берлина. Это ни в коей мере не противоречило бы плану большого центрального удара, который Вы в настоящее время столь правильно развиваете в результате блестящих операций ваших армий южнее Рура. Потребуется лишь переключение одной армии на северный фланг.

Генерал Эйзенхауэр — премьер-министру
1 апреля 1945 года

В настоящее время обстановка складывается в таком виде, в каком я ее изображал моему штабу год тому назад, когда говорил о цели, к которой мы должны стремиться, а именно, чтобы наши вооруженные силы, форсировав Рейн, сосредоточили свои усилия в направлении Везеля и Франкфурта и расположились, грубо говоря, в большом треугольнике с выступом в районе Касселя. После этого задача состояла бы в том, чтобы определить направление удара, способного вызвать максимальную дезорганизацию среди оставшихся немецких вооруженных сил и подорвать сопротивление немцев. Я никогда не терял из виду огромного значения наступления на самое северное побережье, хотя Ваша телеграмма внесла новую мысль о политическом значении быстрого достижения определенных целей. Я ясно понимаю Вашу мысль в этом вопросе. Единственная разница между Вашими предложениями и моим планом состоит в сроках...

Конечно, если в какой-либо момент сопротивление будет внезапно сломлено по всему фронту, мы устремимся вперед, и Любек и Берлин окажутся в числе наших важных целей.

И я ответил:

Премьер-министр — генералу Эйзенхауэру
2 апреля 1945 года

Благодарю вас за вашу сердечную телеграмму... Я, однако, придаю еще большее значение вступлению в Берлин — возможность, которая, вполне вероятно, нам представится, — в результате полученного Вами из Москвы ответа, в третьем параграфе которого говорится, что «Берлин утратил свое прежнее стратегическое значение». Это следует рассматривать в свете того, что я говорил о политической стороне дела. Я считаю чрезвычайно важным, чтобы мы встретились с русскими как можно дальше на Востоке...